PY
4590
Кол
Два

І. КОЛЫШКО.

Два преступленія

и два искупленія.

КРИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія кн. В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27.
1901.

Л. Колышко.

Два преступленія

и два искупленія.

172609

Критико-психологическій этюдъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типография кн. В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27.
1901.

Пров. 1966
Пр.
PV
4590
Коп
Д 82

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24 Января 1901 г.

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27.

1.

Чрезвычайно трудно отмѣчать вліяніе литературнаго произведенія на жизнь. Вліяніе это, часто, неуловимо, неизмѣримо; но оно несомнѣнно, если произведеніе жизненно, если въ немъ соблюдены законы творчества. Вліянія, устремленныя въ одну линію съ инстинктами и настроеніемъ массъ, сказывается быстрѣе; вліянія противуположныя—гораздо позже. Произведенія, въ которыхъ сплетены тѣ и другія вліянія, которыя то отвѣчаютъ на внутренній голосъ массъ, то грубо обрываютъ его, заглушая какой либо предвзятой мыслью; то нѣжно, родственно ласкаютъ душу живою правдой, то гордо и холодно удаляются отъ нея въ философскія дебри;—эти произведенія обречены на непониманіе, какъ-бы художественны они не были. Къ числу такихъ произведеній можно отнести и извѣстный романъ гр. Толстого: «Воскресенье». Въ романѣ этомъ есть нѣсколько отдѣльныхъ теченій, сливающихся

въ общее русло; а русло впадаетъ въ океанъ, названный «воскресеньемъ». Иныя изъ этихъ теченій бѣгутъ по линіи общественнаго настроенія, гладятъ по шерсти; иныя бѣгутъ навстрѣчу нашимъ настроеніямъ, гладятъ противъ шерсти. Все, что касается темъ, побочныхъ отъ главной (Масловой и Нехлюдова), какъ то: судъ, тюрьма, ссылка, столичныя и провинціальныя правящія сферы, деревенскій бытъ и множество связанныхъ съ ними вопросовъ нашего повседневнаго быта, направлены авторомъ по линіи общественнаго самосознанія и разрѣшены имъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ большинству было бы желательно ихъ видѣть разрѣшенными. Но главная, центральная тема—отношенія Нехлюдова къ Масловой и все, что вытекло изъ этихъ отношеній,—бѣжитъ, кажется, если не въ обратную, то въ какую-то другую сторону съ общественнымъ настроеніемъ и, потому, какъ общество ни сжималось, чтобы дать мѣсто этому теченію среди другихъ, самосознанье его испытало несомнѣнную боль и разочарованіе. Эта боль произошла отъ тренія основной морали романа о практику, о юдоль повседневной жизни.

Едва-ли не этой двойственностью впечатлѣнія отъ романа гр. Толстого, независимо отъ требованій чисто художественныхъ, слѣдуетъ объяснить то странное на первый взглядъ явленіе, что, при несомнѣнно болѣе напряженномъ вниманіи общества къ этому роману, чѣмъ къ предыдущимъ («Анна Каренина», «Война и Міръ»), онъ не вызвалъ за собой столь широкой струи критики, какъ первые

романы. Тутъ играетъ роль то гипнотизирующее вліяніе, которое всюду несетъ съ собой имя великаго писателя и котораго еще не было 25 лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, истекшій годъ могъ бы подарить русскому обществу что-нибудь болѣе цѣльное, глубокое въ отношеніи къ предсмертному творенію великаго писателя земли русской, чѣмъ тѣ отрывочныя замѣтки объ отрывочныхъ чертахъ романа, которыя мы прочли и успѣли забыть.

Не думаю, что мнѣ удастся пополнить этотъ пробѣлъ. Повинуясь той же двойственности впечатлѣнія, которое испытало большинство отъ «Воскресенья», я постараюсь лишь разобраться въ этомъ странномъ чувствѣ.

2.

Въ русской литературѣ гр. Толстой не первый повелъ русскую совѣсть къ встряскѣ и русскую душу къ воскресенію. За долго до эпопеи Нехлюдова, Достоевскій описалъ эпопею Раскольникова,—всѣ муки, всю ломку русской души, обмокнувшейся въ преступленіе и побѣдоносно вырвавшейся изъ когтей его къ свѣтлому раскаянію и яркому воскресенію. Какъ ни разны преступленія этихъ двухъ героевъ, какъ ни мало сходны ихъ духовный міръ, ихъ побужденія и даже самый циклъ прожитыхъ ими страданій, я улавливаю сходство между двумя эпопеями. Сходство это едва брежжитъ въ основаніи, но ярко пы-

лаетъ въ апоѳеозѣ. Вотъ почему мнѣ и хочется поставить рядомъ эти два романа,—два преступленія и два искупленія, пронесшіяся надъ русской душой какъ двѣ грозы и двѣ зари. Можетъ быть изъ этого сопоставленія удастся извлечь одинъ общій законъ душевныхъ движеній, одну и ту-же логику жизни, неизбѣжную и для Раскольниковыхъ и для Нехлюдовыхъ...

О Нехлюдовѣ, выпившемъ чашу своего искупленія, гр. Толстой пишетъ такъ: «И съ Нехлюдовымъ случилось то, что часто случается съ людьми, живущими духовной жизнью. Случилось то, что мысль, представлявшаяся ему съ начала какъ странность. какъ парадоксъ, даже какъ шутка, все чаще и чаще находя себѣ подтвержденіе въ жизни, вдругъ предстала ему какъ самая простая несомнѣнная истина. Такъ выяснилась ему теперь мысль о томъ, что единственное несомнѣнное средство спасенія отъ того ужаснаго зла, отъ котораго страдаютъ люди, состояло только въ томъ, чтобы люди признавали себя виноватыми передъ Богомъ...»

О Раскольниковѣ, тоже испившемъ чашу страданій, Достоевскій повѣствуетъ такъ:

«Онъ съ мученіемъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ (вопросъ о томъ, — отчего онъ не бросился въ рѣку, а предпочелъ явку съ повинной) и не могъ понять, что ужъ и тогда, когда стоялъ надъ рѣкой, предчувствовалъ въ себѣ и въ убѣжденіяхъ своихъ глубокую ложь. Онъ не понималъ, что это предчувствіе могло быть предвѣстникомъ

будущаго перелома въ жизни его. будущаго воскресенія его, будущаго новаго взгляда на жизнь».

Нехлюдовъ прозрѣлъ, понявъ смыслъ Евангелія:

«Теперь онъ сознавалъ и вѣрилъ (въ заповѣди нагорной проповѣди); но, мало того, что онъ сознавалъ и вѣрилъ, что, исполняя эти заповѣди, люди достигнутъ наивысшаго доступнаго имъ блага, онъ сознавалъ и вѣрилъ теперь, что всякому человѣку больше нечего дѣлать, какъ исполнять эти заповѣди, что въ этомъ единственный разумный смыслъ человѣческой жизни, что всякое отступленіе отъ него есть ошибка, тотчасъ же влекущая за собой наказаніе»...

Первая изъ этихъ заповѣдей состояла въ томъ,— «что человѣкъ не только не долженъ убивать, но не долженъ гнѣваться на брата, не долженъ никого считать ничтожнымъ «рака», а если поссорится съ кѣмъ либо, долженъ мириться, прежде чѣмъ приносить даръ Богу, т. е. молиться».

Вторая заповѣдь состояла въ томъ—«что человѣкъ не только не долженъ прелюбодѣйствовать, но долженъ избѣгать наслажденія красотою женщины, долженъ, разъ сойдясь съ одною женщиной, никогда не измѣнять ей»... (Мѳ. V).

Раскольниковъ прозрѣлъ, понявъ смыслъ жизни—свою любовь къ Сонѣ:

«... Слезы стояли въ ихъ глазахъ. (Раскольникова и Сони). Они оба были блѣдны и худы; но въ этихъ больныхъ и блѣдныхъ лицахъ уже сіяла заря обновленнаго будущаго, полнаго воскресенія въ будущую жизнь. Ихъ воскресила любовь. Сердце одного заключало безконечные

источники жизни для сердца другого... *Вмѣсто діалектики наступила жизнь* и въ сознаніи должно было выработаться что то совершенно другое. Подъ подушкой его лежало Евангеліе. Онъ взялъ его машинально... Онъ не раскрылъ его, но одна мысль промелькнула въ немъ: развѣ могутъ ея убѣжденія не быть теперь и моими? Ея чувства, ея стремленія, по крайней мѣрѣ... Онъ даже и не зналъ того, что новая жизнь не даромъ же ему дается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великимъ будущимъ подвигомъ»...

Романъ графа Толстого кончается такъ:

«Съ этой ночи началась для Нехлюдова совсѣмъ новая жизнь, не столько потому, что онъ вступилъ въ новыя условія жизни, а потому, что все, что случилось съ нимъ съ этихъ поръ, получало для него совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе. Чѣмъ кончится этотъ періодъ его жизни, покажетъ будущее».

Послѣднія строки романа Достоевскаго:

«Но тутъ уже начинается новая исторія, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новою, совершенно невѣдомою дѣйствительностью. Это могло бы составить тему новаго разсказа,—но теперешній разсказъ нашъ оконченъ».

Сравнивая эти три періода изъ обоихъ романовъ, видимъ и сходство и различіе между ними. Сходство, главнымъ образомъ.—въ картинѣ по-

каяннаго шествія русской взбаламученной души къ Голгофѣ. Различіе—въ степени жизненности, реальности этого шествія.

Нехлюдовъ и Раскольниковъ встрѣтились на томъ этапѣ своей скорби, надъ которымъ и Толстой и Достоевскій ставятъ надпись: переломъ! Отсюда они шествуютъ рука объ руку. Но каждому сопутствуетъ своя доля жизненной правды и жизненной логики. Нехлюдову сопутствуетъ пассивность и реторика, Раскольникову—активность и живая дѣйствительность. Нехлюдовъ говоритъ, Раскольниковъ дѣйствуетъ. Оба прибѣгаютъ къ Евангелію; но Нехлюдовъ его изучаетъ (и оспариваетъ); а Раскольниковъ, не раскрывая его, вѣритъ ему, ибо въ него вѣритъ Соня: «развѣ могутъ ея убѣжденія не быть теперь и моими»?! Раскольниковъ воскресъ въ любви къ Сонѣ, а Нехлюдовъ воскресъ, когда убѣдился, что онъ не нуженъ, не любитъ Катюши. Для Раскольникова «вмѣсто діалектики наступила жизнь»; для Нехлюдова вмѣсто жизни наступила діалектика. Раскольниковъ началъ новую эру жизни съ фактовъ: любовь къ Сонѣ и «знакомство съ совершенно невѣдомою дѣйствительностью». Нехлюдовъ началъ ее съ идеи: новая жизнь его состояла не въ томъ, «что онъ *вступилъ* въ новыя условія жизни, а въ томъ, что все, что случалось съ нимъ съ этихъ поръ, *получало* для него совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе»! Оба романа оборваны на порогѣ новой жизни ихъ героевъ, на порогѣ храма «воскресенія». «Чѣмъ кончится этотъ новый періодъ, покажетъ будущее». (Тол-

стой). «Это могло бы составить тему новаго разсказа»... (Достоевскій).

Въ обоихъ романахъ описано, такимъ образомъ, не воскресеніе русской души, а лишь путь къ воскресенію—покаяніе. Поэтому романъ Достоевскаго озаглавленъ правильнѣе, чѣмъ романъ Толстого. Въ претенціозномъ и не выполненномъ обѣщаніи автора, которое поставлено на обложкѣ романа Толстого, — едва-ли не первая причина разлада между этимъ романомъ и читателемъ.

3.

Рознь между этими двумя романами не только въ фабулѣ и въ штрихахъ. Рознь не въ томъ лишь, что Раскольниковъ убилъ, а Нехлюдовъ завладѣлъ невинностью дѣвушки: по кодексу Христова ученія эти два дѣйствія поставлены бокъ-о-бокъ. Рознь заключается въ ходѣ психологическаго процесса, приведшаго Раскольникова и Нехлюдова къ одному и тому-же выходу. А между тѣмъ, казалось-бы, психологическій процессъ въ обоихъ драмахъ долженъ быть теоретически тотъ-же. Для насъ существенны не формальныя, анекдотичныя, а общія психическія черты преступленія и раскаянія какъ Раскольникова, такъ и Нехлюдова. Эти черты должны быть общи для обѣихъ драмъ, если драмы жизненны, реальны, а не сочинены. Вопреки несходству мотивовъ къ преступленію и раскаянію обѣ драмы должны сходиться не только въ верхушкахъ, но и въ основаніяхъ—въ

постаментѣ, въ идеѣ, ихъ вскормившей. И даже я бы сказалъ, именно потому, что онѣ сходятся въ верхушкахъ, онѣ должны сходиться и въ основаніяхъ. Двѣ идеи сливающіяся въ верхушкахъ. не могутъ быть двумя разными идеями. Онѣ могутъ лишь *временно* развѣтвляться. Если-бы онѣ исходили изъ разныхъ началъ, онѣ, очевидно. никогда не могли бы слиться: ибо, для вѣчныхъ идей есть одно начало и одинъ конецъ—истина. Только тѣ идеи закономѣрны и живучи, которыя исходятъ изъ истины и сливаются съ истиной. Въ этомъ смыслѣ и самая идея (справедливая) есть—истина, растянутая надъ извѣстнымъ душевнымъ движеніемъ.

Установивъ фактъ, что идеи «Воскресенія» и «Преступленія и наказанія» сливаются на верхушкахъ (покаяніе), необходимъ и другой фактъ—чтобы онѣ выросли изъ того же корня; необходимо доказать, что и гр. Толстой, и Достоевскій почерпнули свое вдохновеніе изъ того же источника непреложныхъ законовъ человѣческой природы.

Однимъ изъ такихъ законовъ можетъ быть названа слѣдующая формула: преступленіе не совмѣстимо съ природою человѣка! Преступленіе должно быть выброшено изъ души, какъ выбрасывается гвоздь, случайно попавшій между жерновами! . Въ этой формулѣ заключенъ глубокій смыслъ жизни и изъ нея истекаетъ рядъ другихъ формулъ, увѣнчанныхъ апоѳеозомъ покаянія и воскресенія.

Принявъ эту формулу за основаніе обоихъ про-

изведеній, становится понятнымъ и выборъ героевъ ихъ.

Если Достоевскій выбралъ своимъ героемъ умнаго, развитого и чуткаго Раскольникова, а не грубаго, шаблоннаго убійцу, то лишь для того, чтобы вывести на арену борьбы съ неизмѣнной идеей всякаго рода измѣнчивыхъ враговъ ея: умъ человѣка, волю его, благія намѣренія и всю казуистику, всѣ софизмы, какими люди убаюкиваютъ свою совѣсть. Точно также, если Толстой взялъ героемъ своего романа аристократа Нехлюдова, а не дворника или писаря, то съ той-же цѣлью: воплотить идею несовмѣстимости преступленія съ человѣческой природой на самомъ яркомъ фонѣ, окруживъ ее такими могучими противниками ея, какъ происхожденіе Нехлюдова, его привычки и обстановка. Ужъ если Раскольниковъ, при всей его *умственной* подготовкѣ къ преступленію, при всей кажущейся *необходимости* этого преступленія, какъ единственнаго средства выбиться на широкій путь его человѣколюбію, способностямъ и талантамъ,—не вынесъ его ни умственно, ни сердечно, надломался, сознался; ужъ если Нехлюдовъ, воспитаніемъ своимъ, связями и цѣлымъ цикломъ наслѣдственно укоренившихся пороковъ и привычекъ, подготовлявшійся къ обезчещенію Катюши и къ забвенію этого факта, какъ одного изъ многихъ фактовъ, составлявшихъ его широкую, безпечальную жизнь,—если самъ Нехлюдовъ, въ лучшую, въ смыслѣ свѣтскихъ успѣховъ, пору жизни своей (на краю сватовства съ княжной Мисси), не забылъ этого

факта, не вынесъ его ни умомъ, ни сердцемъ, а разметалъ въ дребезги свою жизнь и публично покаялся;—значитъ, самое существо преступленія, во что бы его не окутывали, какъ бы его не украшали и не маскировали, не совмѣщается съ человѣческой природой, проносится ею не переваренным. Какъ желудокъ, въ страданіяхъ и корчахъ, кончающихся иногда смертью, выбрасываетъ нетронутымъ предметъ, попавшій въ него вмѣстѣ съ пищей, но чуждый органической и растительной природѣ, такъ и душа человѣка, поглощая жизнь со всею ея мутью, подкрашенной наслажденіемъ, софистикой и обманомъ, не можетъ переварить попавшаго туда сознанія преступленія и, рано или поздно, въ корчахъ и мукахъ, кончающихся иногда гибелью, выбрасываетъ его на свѣтъ Божій, кается и... воскресаетъ.

Таковою мнѣ представляется основная идея обоихъ произведеній! Съ угла именно этой идеи я хочу на нихъ взглянуть, оцѣнить, сравнить.

4.

Въ этой идеѣ прежде всего мы сталкиваемся съ понятіемъ о преступленіи. Что такое преступленіе? Вопросъ этотъ, при кажущейся наивности его, вовсе не такъ наивенъ. У насъ установилось понятіе о преступленіи: 1) противъ законовъ, 2) противъ обычаевъ и общественныхъ установленій и 3) противъ совѣсти (Бога). Но, кромѣ преступленія, мы еще знакомы съ понятіями о проступкѣ, провинности, ошибкѣ и грѣхѣ.

Въ общественномъ сознаніи градація отрицательнаго отношенія человѣка къ жизни выразилась такъ: преступленіе, проступокъ, провинность, ошибка и грѣхъ. Послѣднее—грѣхъ, я понимаю въ томъ смыслѣ, когда отъ него никто, кромѣ согрѣшившаго, не пострадалъ. Въ такомъ случаѣ грѣхъ всегда относится на послѣднюю ступень и объ немъ люди упоминаютъ вскользь.

Несомнѣнно, что лѣстница человѣческой вины началась съ преступленія. И также несомнѣнно, что преступленію, въ первоисточникѣ его, противупоставлялись не законы, не обычаи и не совѣсть, а—природа. Только природа, которая въ представленіи первыхъ людей была воплощеніемъ Бога, могла быть судьей и показателемъ истиннаго преступленія. Только нарушеніе ея законовъ, ея гармоніи, ея цѣли—могло считаться преступленіемъ. А какой же законъ, какая гармонія и цѣль могли стоять выше жизни? На рубежѣ человѣка и животнаго поставленъ властный инстинктъ самосохраненія; но дальше, въ сторону человѣка, этотъ инстинктъ ярко замѣняется идеей пониманія и оцѣнки жизни, какъ нравственнаго долга. Послѣ жизни физической затеплилась жизнь нравственная. Послѣ убійства физическаго стало возможнымъ и взывающимъ къ мщенію убійство нравственное.

Съ первыхъ дней творенія и по сію пору жизнь почиталась и почитается единственнымъ смысломъ и единственной гармоніей природы. И потому, кто нарушитъ этотъ смыслъ, кто оборветъ эту гармонію, тотъ — преступникъ. Онъ можетъ не

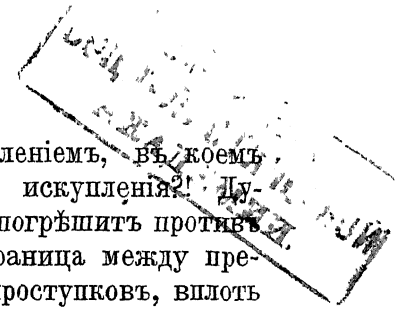
быть преступникомъ передъ закономъ, обычаями и даже совѣстью: но онъ всегда преступникъ противъ логики и смысла природы. Чѣмъ дальше жило человѣчество и чѣмъ больше усложнялась его жизнь, тѣмъ больше съуживалось понятіе о преступности убійства (физическаго и нравственнаго); установлена была законность убійства въ войнахъ, дракахъ, дуэляхъ, въ волненіи, въ злобѣ и проч. Только въ тѣсномъ раіонѣ мирной жизни и мирныхъ отношеній, убійство осталось какъ вопіющее объ отмщеніи преступленіе. Малѣйшія усложненія въ человѣческихъ отношеніяхъ уже узаконяютъ и оправдываютъ убійство.

Тѣмъ не менѣе, убійство еще виситъ самымъ тяжелымъ грузомъ на лѣстницѣ, ведущей человѣка къ разладу съ собой. Оно осталось такимъ же рѣзкимъ крикомъ въ природѣ, такимъ же раздирающимъ диссонансомъ въ ея гармоніи, такимъ же насиліемъ надъ ея логикой, какимъ было отъ первыхъ дней и перваго, сотвореннаго на землѣ преступленія. Даромъ, что люди защитились отъ этого крика соображеніями политики и ума, всѣми страстями и уловками. Оно вопіетъ и будетъ вопить если не противъ законовъ. обычаевъ и совѣсти страны, то—противъ единой природы, которую измѣнить ни законами, ни обычаями, ни гибкой совѣстью, нельзя.

Убійство есть такое-же посягательство на логику природы, какимъ явилось-бы посягательство на стихіи ея, если-бы кто либо вздумалъ влѣзть въ огонь, чтобы потушить его, броситься въ воду. чтобы выпить ее, упасть съ крыши, чтобы по-

виснуть на воздухѣ. Въ каждомъ изъ этихъ дѣйствій была-бы безумная дерзость и каждое изъ нихъ заключало-бы въ себѣ отмщеніе. И огонь, и вода, и воздухъ отмстили бы за себя въ самый моментъ попранія ихъ свойствъ. Другими словами, никто безъ необходимости не бросится ни въ огонь, ни въ воду, ни въ воздухъ, ибо такому поступку будетъ предшествовать мысль объ ожогѣ, о потопленіи, о паденіи. Послѣдствіе этого поступка, наказаніе за него — для всѣхъ неразрывно связано съ поступкомъ, какъ-бы заложено въ немъ, точно цвѣтокъ въ почкѣ. Посягательство на человѣческую жизнь, на человѣческую душу, какъ на высшую логику природы, должно сопровождаться тѣми-же симптомами: *отмщеніе должно лежать въ самомъ поступкѣ.* Вотъ въ чемъ великая тайна преступленія, его внутренняя логика. Преступленіе несетъ наказаніе въ самомъ себѣ, помимо всѣхъ условностей, созданныхъ людьми. Можно и въ огнѣ не сгорѣть и въ водѣ не потонуть; но отъ этого ни вода, ни огонь не теряютъ своихъ основныхъ свойствъ. Можно совершить преступленіе и избѣжать наказанія; но отъ этого преступленіе не теряетъ своихъ природныхъ свойствъ. Оно есть оболочка, вмѣщающая въ себѣ отмщеніе и искупленіе. *Оно есть безплодная, сухая скорлупа, скрывающая сочный и нѣжный плодъ.*

Если это такъ, если преступленіе содержитъ въ себѣ плодъ раскаянія и искупленія, то не будетъ-ли справедливо поставить и обратную формулу: только тотъ поступокъ человѣческій мо-



жетъ быть названъ преступленіемъ, въ коемъ заложено семя раскаянія и искупленія? Думается, что эта формула не погрѣшитъ противъ логики. Въ такомъ случаѣ граница между преступленіемъ и всѣми видами проступковъ, вплоть до неизбѣжнаго съ человѣческой природой грѣха, станетъ уловимой.

5.

Насколько несомнѣнно и очевидно убійство тѣлесное, настолько подвержено сомнѣніямъ, спорамъ и софизмамъ убійство духовное. Всѣ люди — и христіане, и язычники — признаютъ возможность такого убійства и всѣ почитаютъ его за преступленіе. Но установить признаки его, констатировать фактъ духовной смерти, настолькоже трудно, насколько легко констатировать фактъ смерти физической. Душа настолько-же живуча, насколько тѣло хрупко. Она живуча не только потому, что она безсмертна. Она живуча потому, что никому неизвѣстна глубина ея, ширина ея, всѣ безчисленныя функціи ея, всѣ фибры. Избитая, изломанная, въ клочья разодранная, она выпрямляется однимъ безконечно малымъ краешкомъ, какъ червякъ, разрѣзанный на кусочки, судорожно оживаетъ и воскресаетъ. Достаточно одной ласки, иногда—поцѣлуя, чтобы покойникъ воскресъ. Раны душевныя разнообразнѣе ранъ физическихъ и наносятся онѣ безконечно чаще этихъ послѣднихъ. Если въ физическомъ мірѣ

играетъ огромную роль состояніе организма, выносливость его, закаленность, чувствительность къ ранамъ, то въ духовномъ—развитіе души, чувствительность и выносливость ея къ ударамъ, играетъ роль безконечно большую. То, что у одного вызываетъ горе, грусть, оскорбленіе, отчаяніе и онѣмѣніе души, то у другого можетъ пройдти безслѣдно; и наоборотъ. Есть цѣлыя группы людей, сословія и даже народы, которымъ неизвѣстны нѣкоторые виды душевной боли. Въ исторіи мы находимъ цѣлыя эпохи, подверженныя большей или меньшей душевной чувствительности. Наконецъ, религія, убѣжденія, нравы, политика, просвѣщеніе, культура—все это налагаетъ извѣстную печать на душевную воспріимчивость и мѣняетъ, какъ въ калейдоскопѣ, понятія людей о душевномъ страданіи и духовной смерти. Въ Китаѣ, напр., духовной смертью (влекущей за собой и физическую) считается потеря личности; а личность теряютъ тамъ тѣ, кто осмѣянъ, оклеветанъ, кто соскочилъ съ рельсовъ, на которыхъ катится безконечно сложная китайская жизнь. У насъ-же и на западѣ этихъ причинъ далеко не достаточно для духовной смерти; осмѣянные, оклеветанные, выбившіеся изъ колеи, живутъ у насъ припѣваючи и, часто, еще руководятъ массами. Словомъ, область духовныхъ недуговъ вплоть до смерти духа—полна загадочнаго мерцанія и законы тамъ смѣняются законами, явленія—явленіями, признаки – признаками.

Вотъ почему тема, выбранная гр. Толстымъ,

безконечно сложнѣе и неблагодарнѣе темы Достоевскаго. Взявъ себѣ въ союзники духовную смерть Катюши для того, чтобы имѣть право указать намъ путь къ воскресенію, авторъ, очевидно, взялъ на себя обязательство доказать эту смерть. Это прежде всего. А затѣмъ—доказать и агонію того общества, въ которомъ преступленія, какъ Нехлюдовское, проходятъ безнаказанными. Выполнилъ-ли эту задачу авторъ? Объ этомъ каждый можетъ судить по личному впечатлѣнію. Критику остается указать лишь, насколько выполненное соотвѣтствуетъ логикѣ жизни и общимъ, безсмѣннымъ законамъ творчества.

6.

Паденіе Катюши совершилось въ обстановкѣ, настолько же подготовленной къ нему, насколько обстановка Раскольникова подготовила его къ убійству старухи. Но обстановка Раскольникова—исключеніе, почти болѣзнь, тогда какъ обстановка Нехлюдова—нормальная обстановка здороваго человѣка. Нужна была вся мощь генія Толстого и вся смѣлость этого генія, чтобы извлечь изъ этого, на видъ здороваго тѣла, занозу, гноившую его. При такой операціи нельзя обойтись безъ нѣкоторой рѣзкости пріемовъ и эта рѣзкость насъ шокируетъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, одна изъ причинъ нашей неудовлетворенности этимъ романомъ. Другая—самая заноза.

То, что сдѣлалъ Нехлюдовъ съ Катюшей, дѣлаютъ сотни и тысячи людей. Всѣ сознаютъ, что это не хорошо, но врядъ-ли кто близокъ къ мысли, что такой поступокъ—убійство и что онъ взываетъ о мщеніи. Вѣдь тутъ нѣтъ злого умысла. Тутъ—природа. Тутъ—непоборимый позывъ плоти, часто—взаимный. Тутъ, наконецъ, замѣшано лучшее и самое могучее чувство—любовь. И самъ Толстой такъ поэтично, такъ живо, такъ неподражаемо описалъ сцену соблазна Катюши—эти нѣсколько дней, проведенныхъ Нехлюдовымъ въ деревнѣ, эту пасхальную ночь, эту ночь грѣха—что даже холодъ суровой морали его, даже то скорбное, грязное, отвратительное, что заключала въ себѣ поэтическая страсть молодыхъ людей и что привело Катюшу на путь разврата, а Нехлюдова—къ одеревенѣнію его души,—даже эта обратная сторона медали не можетъ изгладить изъ памяти свѣжести и очарованія лицевой. Господи! Да отчего же страсть такъ прекрасна, радужна, такъ пѣнится черезъ края, въ которыхъ стараешься удержать ее, такъ хмѣльна! Толстой говоритъ, что она такова, когда мы уже развращены. Что Нехлюдовъ чистый, хорошій, въ первый пріѣздъ свой къ тетушкамъ «безъ ужаса не могъ думать о физическомъ обладаніи Катюшей».

А на это просится отвѣтъ: тогда онъ былъ мальчикъ, а во второй разъ—мужчина. Тогда и Катюша была ребенкомъ; а во второй разъ она уже вся млѣла, пылала. Ея уста говорили нѣтъ, а все существо кричало—да! Да гдѣ-же еще въ

природѣ есть такой видъ преступленія, чтобы къ нему такъ безудержно толкались и палачъ и жертва? Чтобы жертва сама стремилась на плаху, а палачъ, убивая ее, шепталъ ей коснѣющимъ отъ блаженства языкомъ слова могучей, всепобѣждающей любви! Поистинѣ — западня. Преступленіе, такъ хитро замаскированное любовью и наслажденіемъ, такъ тѣсно сплетенное съ величайшимъ актомъ природы, съ обязанностью и съ назначеніемъ человѣка—можно-ли даже назвать его преступленіемъ? Что въ немъ преступно? Вѣдь если-бы Нехлюдовъ не уѣхалъ, а женился на Катюшѣ—преступленія не было-бы. Преступленіе значитъ не въ томъ, что онъ взялъ ее, а въ томъ, что не покрылъ грѣха; что забылъ Катюшу; что хотѣлъ откупиться деньгами. Преступленіе не въ самомъ актѣ, а, какъ-бы, въ обстановкѣ. И духовная смерть Катюши—случайность. Вѣдь не всѣ-же идутъ на этотъ путь. И даже на этомъ пути не всѣ теряютъ душу, чему доказательство сама Катюша и другая, подобная ей жертва—Соня Мармеладова.

И, наконецъ, почему-же, если такъ хотѣлось Толстому воскресить Нехлюдова и Катюшу, почему онъ ихъ воскресилъ врозь, а не вмѣстѣ, не въ объятіяхъ чистой, законной любви, какъ то сдѣлалъ Достоевскій съ Соней и Раскольниковымъ? Чувствовалъ-же онъ значитъ самъ нежизненность этой развязки; и геній его не допустилъ запречь въ одну телѣгу коня и трепетную лань. Какой мужъ былъ-бы Катѣ Нехлюдовъ, даже воскрешенный? И какая она ему

жена? Грѣхъ можно было покрыть, но трудно было-бы сохранить между ними ту поэтическую страсть, которая ихъ сблизила. Заглаживая одно преступленіе, легко было сотворить другое—поселить между ними вражду и даже ненависть...

Такъ говорили и про себя, и вслухъ многіе, прочитавъ «Воскресеніе». Протестъ закипалъ противъ художника, умѣющаго такъ дивно описать жизнь, чтобы тотчасъ-же, въ качествѣ моралиста,—разбить ее вдребезги и показать, что черепки дивнаго сосуда изъ грязной, грубой глины. Зачѣмъ? Какая польза? Вѣками спеченныхъ предразсудковъ общества, вѣками наслоенныхъ въ природѣ человѣческой пороковъ—романами не очистишь. Такъ зачѣмъ-же?—вопрошали и вопрошаютъ. А душа встревожена, напряжена, совѣсть болитъ и голосъ изъ самой глубины души напѣваетъ: Толстой правъ. правъ!

7.

Прислушиваясь къ этому голосу и пригляды-ваясь къ окружающей жизни, спрашиваешь себя, почему Толстой выбралъ именно этотъ видъ духовнаго убійства, а не какой-либо другой? Вѣдь можно нанести смертельныя раны самолюбію, чести, честолюбію, вѣрѣ въ идеалы. Можно убить душу, не тронувъ тѣла. Почему именно авторъ остановился на сюжетѣ наиболѣе деликатномъ, наиболѣе чувствительномъ въ общественномъ самосознаніи?

Отвѣтъ напрашивается самъ собой: да именно потому, что сюжетъ этотъ наиболѣе деликатенъ и чувствителенъ. На склонѣ жизни, горя послѣднимъ пламенемъ вдохновенія и любви къ человѣчеству, великому писателю некогда было разбираться и деликатничать. Некогда было и прибѣгать къ усыпленію больного, надъ которымъ неизбѣжна операція. Усмотрѣвъ гангрену, великій врачъ, безъ лишнихъ пріемовъ, запустилъ въ тѣло ножъ и отхватилъ вмѣстѣ съ больнымъ членомъ порядочный кусокъ и здороваго. Винить ли его за это?

Заря грядущаго вѣка краснымъ отблескомъ освѣщаетъ то мѣсто человѣческихъ отношеній, гдѣ, какъ въ фокусѣ, скопилась вся боль отъ натруженныхъ мускуловъ, нервовъ и впечатлѣній. Алчно, безмѣрно поработавъ за этотъ вѣкъ, человѣчество также алчно и безмѣрно ищетъ наслажденія, успокоенія. Некогда ему, да и негдѣ искать наслажденія духовнаго. Есть наслажденіе краткое, какъ молнія и удобное, какъ платье,—наслажденіе пола. Его можно повторять часто, какъ вспрыски морфіемъ, его можно мѣнять и разнообразить; спросъ на него вызвалъ предложеніе, вызвалъ искусство наслаждаться, усовершенствованіе въ наслажденіи. Какъ прежде духъ рыцарства и тѣлесной мощи создалъ искусство въ выдѣлкѣ оружія, панцырей, шлемовъ и возвелъ въ культъ всѣ виды тѣлесныхъ упражненій; такъ нынче потребность полового наслажденія вызвала искусство одѣваться, нра-

виться, плѣнять, дурманить и возвело въ культъ умѣніе растягивать въ поцѣлуѣ нервы.

Искусство это тѣсно обнялось съ искусствами иного рода: живописью, литературой, скульптурой, музыкой. Оно вошло въ союзъ съ ремеслами. Оно сдѣлало своими союзниками политику, законы, общественныя и государственныя учрежденія. Оно обвило собой, какъ нѣжная и цѣпкая ліана, все гигантское древо культуры, заползши на каждую вѣточку его, цѣлуя и грубую кору и нѣжныя почки всходовъ. Массы людей работаютъ въ потѣ чела на этого паразита. Нѣтъ уголка въ муравейникѣ людей, снующихъ между машинами и рельсами, въ тѣнистыхъ садахъ дворцовъ и на грязныхъ улицахъ между многоэтажными домами-тюрьмами, гдѣ бы не трепеталъ нервъ любви. Любви!.. Есть ли слово, чаще повторяемое? И есть-ли понятіе болѣе широкое, растяжимое, какъ то, надъ которымъ мы поставили коротенькую надпись—любовь!

У меня врѣзался въ памяти самый коротенькій и едва-ли не самый художественный разсказецъ Горькаго: «Двадцать шесть и одна». Тамъ описано, какъ двадцать шесть грязныхъ и пьяныхъ пекарей подмастерій любили чистой любовью одну дѣвушку-горничную, заходившую къ нимъ каждый день на минутку взять свѣжихъ баранковъ. И какъ эта чистая дѣвушка предпочла этому коллективному чистому поклоненію грубо-животную любовь Донъ-Жуана изъ унтеръ-офицеровъ и пала какъ скотина, на грязномъ дворѣ, въ вонючемъ подвалѣ, на глазахъ

всѣхъ двадцати шести. А они бились о закладъ за ея честь и цѣломудріе. Прочтите эту бездѣлушку въ десять страницъ—эти дикія ругательства обманутыхъ пекарей, эту животную злобу ихъ, это оплеваніе кумира, которому они, обреченные на каторжный трудъ съ утра до вечера, цѣломудренно поклонялись;—прочтите эту вещицу и вы увидите, что за широкое, отъ неба до помойной ямы, понятіе обнимаетъ собой слово—любить! И какъ люди, обремененные непосильными страданіями и трудомъ, съумѣли стащить этотъ лозунгъ съ неба во прахъ.

Духовная жизнь сплетена съ физической въ томъ мѣстѣ, гдѣ полагается быть любви. Другими словами, любовь объединила собой духъ съ плотью, спаяла эти два элемента и, устремивъ глаза къ небу, молитъ о ниспосланіи блага тому и другому. Внизъ отъ этой спайки бурлятъ животные инстинкты; вверхъ—пышно расцвѣлъ богоподобный человѣкъ. И тѣ и другой ростутъ каждые въ свою сторону, не примиримы; только могучій обручъ любви сдерживаетъ ихъ въ одно цѣлое. Но онъ такъ растянутъ, такъ ослабѣлъ. Инстинкты побѣдили чувства и весь человѣкъ тянется къ низу. Духовная смерть ему угрожаетъ уже не отъ безвѣрія, не отъ потери идеаловъ, а отъ потери обруча любви, наложеннаго Богомъ на шовъ между духомъ и плотью. Именно здѣсь, черезъ это расползшееся, слабое мѣсто, черезъ зіяющую щель, едва прикрытую тѣнью любви, грозитъ смерть его духу. Сюда

должна быть обращена помощь, отсюда должно начаться воскресеніе...

Есть что-то безконечно великое и таинственное въ томъ фактѣ, что духъ убивается черезъ плоть. Что мимолетное прикосновеніе къ тѣлу женщины, поцѣлуй, а то и слово, мысль—можетъ поранить и убить ея духъ. Не правда ли, какъ это странно! Вѣдь тѣло женщины создано для наслажденія, губы для поцѣлуя, очи—для пламени. А между тѣмъ, и тамъ и тутъ и здѣсь, ожидаетъ, притаилась смерть! Дивный плодъ, дерзновенно сорванный, мгновенно умираетъ и усыхаетъ въ рукѣ того, кто его сорвалъ. Для чего же онъ виситъ? Для чего дразнитъ?.. Такъ ропщетъ возмущенное человѣчество, у котораго, кромѣ этого плода, другихъ наслажденій не осталось. И его рвутъ со злобой, съ остервенѣніемъ, раздирая себѣ душу—рвутъ надкусываютъ и бросаютъ, и опять рвутъ, и опять бросаютъ, пока не валятся на земь въ безсильной злобѣ, что нельзя *разомъ* сорвать всѣ плоды, всѣ надкусить и всѣ бросить. Пышное, стройное древо любви стоитъ такъ же гордо, какъ и въ райскомъ саду, глядится въ небо и отѣняетъ зной земли; но... плодовъ на немъ уже мало. Рвутъ уже зеленые, рвутъ почки. А подъ деревомъ, на необъятномъ просторѣ земли валяются засохшіе, погибшіе недозрѣлыми плоды—трупы; возлѣ нихъ корчатся въ судорогахъ неудовлетворимаго сладострастія, хуля и кляня—другіе трупы съ искаженными лицами и протянутыми съ угрозой кулаками...

Вотъ картина, которая, быть можетъ, тревожила сонъ старца—писателя. И вотъ почему онъ наложилъ свою руку именно на эту боль общественную, а не на другія, тоже убивающія духъ нашъ!

8.

Но возвратимся къ аналогіи между двумя романами.

Эпопея Раскольникова разбита на двѣ части: до преступленія и послѣ него. Убійство разрѣзаетъ ее какъ ножемъ. Ударъ топоромъ по темени старухи пришелся и по душѣ Раскольникова, раскололъ ее на двѣ части: въ одной продолжалъ жить Раскольниковъ—убійца, Раскольниковъ—умница, упрямецъ, гордецъ, софистъ, мечтатель, утопистъ; изъ другой выглянулъ слабый, честный, простой человѣкъ, покорный всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ. Съ момента убійства живутъ и мучатъ другъ друга два Раскольникова; первый все слабѣетъ, второй все крѣпнетъ. Но первый еще долго не умираетъ; агонія его, судороги демона, ослѣпившаго душу Раскольникова, безпокоятъ его и въ ссылкѣ. Демонъ умираетъ только тогда, когда на взрыхленной страданіями почвѣ показывается нѣжный ростокъ любви. Вотъ схема этой эпопеи.

Мы застаемъ Раскольникова уже подготовленнымъ къ убійству, подготовленнымъ *умственно*. Достоевскій скрылъ отъ насъ рожденіе демона,

какъ скрылъ и торжество ангела. Онъ далъ намъ драму отъ—до. Онъ показалъ намъ созрѣвшее уже рѣшеніе, исполненіе его и раскаяніе—все существенное около преступленія и все существенное въ немъ. Но, по отрывочнымъ намекамъ, мы вправѣ думать, что демонъ въ душѣ Раскольникова также медленно росъ, какъ медленно умиралъ. Что путь къ преступленію столь же длиненъ и тернистъ, какъ и отъ преступленія къ раскаянію.

«Чувство *безконечнаго отвращенія*, начинавшее давить и мучить его сердце еще въ то время, какъ онъ только шелъ къ старухѣ, достигло теперь такого размѣра и такъ ярко выяснилось, что онъ не зналъ, куда дѣться отъ тоски своей...

«Давнымъ давно, какъ зародилась въ немъ вся эта тоска, наростала, накоплялась и въ послѣднѣе время созрѣла и концентрировалась, принявъ форму ужаснаго, дикаго и фантастическаго вопроса, который замучилъ его сердце и умъ, неотразимо требуя разрѣшенія... Во что бы то ни стало, надо рѣшиться, хоть на что нибудь, или... Или отказаться отъ жизни совсѣмъ!.. Вдругъ онъ вздрогнулъ: одна, вчерашняя мысль опять пронеслась въ его головѣ. Но вздрогнулъ онъ не оттого, что она пронеслась. Онъ вѣдь зналъ, онъ *предчувствовалъ*, что она непремѣнно «пронесется», и уже ждалъ ея; да и мысль эта была совсѣмъ не вчерашняя. Но разница была въ томъ, что мѣсяцъ назадъ и вчера еще она была мечтой, а теперь... теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ-то новомъ, грозъ-

номъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ, и онъ вдругъ самъ созналъ это... Ему стукнуло въ голову и потемнѣло въ глазахъ...

«—Боже!—воскликнулъ онъ,— да неужели-жъ я въ самомъ дѣлѣ возьму топоръ, стану бить по головѣ, размозжу ей черепъ... буду скользить въ липкой, теплой крови, взламывать замокъ, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... съ топоромъ... Господи, неужели?.. Вѣдь я зналъ же, что я этого не вынесу, такъ что-жъ я до сихъ поръ себя мучилъ?.. Вѣдь меня отъ одной мысли *на яву* стошнило и въ ужасъ бросило... Господи!—молилъ онъ,—покажи мнѣ путь мой, а я отрекаюсь отъ этой проклятой... мечты моей»...

Таковъ путь къ преступленію! Чтобы двинуться по этому пути, нуженъ очень сильный толчекъ. Въ романѣ Достоевскаго толчекъ данъ былъ цѣлой серіей страданія и софизмовъ, упавшихъ на гордую, впечатлительную и неустойчивую душу Раскольникова.

«Съ одной стороны—глупая, безсмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная, и, напротивъ, всѣмъ вредная, которая сама не знаетъ, зачѣмъ живетъ и которая завтра же сама собой умретъ... Съ другой—молодыя и свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій, направленныхъ на дорогу. Десятки семействъ, спасенныхъ отъ ни-

щеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата, отъ венерическихъ больницъ и все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить себя потомъ на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится-ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь—тысячу жизней, спасенныхъ отъ гніенія и разложенія! Одна смерть—и сто жизней въ замѣнъ, вѣдь тутъ ариѳметика! Да и что значитъ на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не болѣе, какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоитъ, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заѣдаетъ»...

Такъ шепталъ демонъ и преступленіе свершилось. Назрѣвшій нарывъ лопнулъ. И тотчасъ, съ тою же правильностью, съ тою же неизбѣжностью, какъ и до убійства, начинаютъ дѣйствовать на душу убійцы логика и законы жизни. Волна, подхватившая его, какъ щепку, отъ берега законности къ беззаконію, ни одной лишней секунды не продержала его на своемъ гребнѣ,—она его выбросила на берегъ такъ же яростно и рѣшительно, какъ подхватила. Съ этой волной жизни, то приливающей, то отливающей и неустанно, неизмѣнно возвращающей на берегъ законности всякую песчинку, оторванную отъ него,—съ этимъ суровымъ закономъ жизни, требующимъ возвращенія отъ преступленія къ искупленію, Раскольниковъ не разстается ни на секунду. Скрежеща зубами, кляня, онъ ему по-

коренъ, какъ дитя,—и въ этомъ существенное отличіе его драмы отъ драмы Нехлюдова. Въ этомъ вся сила и весь геній романа Достоевскаго. Убивъ старуху и, не дотронувшись еще до ея вещей, Раскольниковъ «пошелъ бы самъ на себя объявить, и не отъ страха даже за себя, а отъ одного ужаса и отвращенія къ тому, что онъ сдѣлалъ. *Отвращеніе особенно поднималось и росло* въ немъ съ каждою минутою...»

Вотъ первый симптомъ преступленія—отвращеніе! Прежде чѣмъ поднимается раскаяніе, уже душитъ отвращеніе. Это тотъ толчекъ, которымъ сопровождается паденіе и ударъ всякаго тѣла. Это то физическое явленіе, когда инерція внезапно прекращается, встрѣчая преграду. Въ мірѣ душевномъ, повидимому, господствуютъ законы весьма схожіе съ физическими. Когда одностороннее душевное напряженіе (движеніе) встрѣчаетъ преграду въ логикѣ, въ гармоніи природы, когда преступная воля ударяется, наконецъ, о предметъ вожделѣнія, происходитъ толчекъ, знаменующійся отвращеніемъ. Въ немъ—первое отраженіе совершеннаго насилія и первая месть за него. За отвращеніемъ наступаетъ раскаяніе. Съ нимъ сплетается чувство страха, инстинктъ самосохраненія и много побочныхъ ощущеній, которыми душа преступника лихорадочно живетъ послѣ преступленія. Все вмѣстѣ свивается въ цѣпь безпрерывно ростущихъ мукъ.

Слѣдя за Раскольниковымъ, мы видимъ эту цѣпь и видимъ первое колечко ея. Почему онъ не заглянулъ въ ограбленный кошелекъ и даже

хотѣлъ его въ воду бросить?.. «Онъ, впрочемъ, и прежде это зналъ, и совсѣмъ это не новый для него вопросъ... Онъ это все зналъ и все помнилъ; да чуть-ли это уже вчера не было такъ рѣшено, *въ ту самую минуту*, когда онъ надъ сундукомъ сидѣлъ и футляры изъ него таскалъ»... Вотъ оно, это первое колечко скорбной цѣпи: оно зацѣпилось за трупъ убитой, за *ея* сундукъ—за *цѣль преступленія*. Убійца чувствуетъ отвращеніе не только къ своему преступленію и къ жертвѣ его, но и... *къ цѣли его*. И даже больше всего къ цѣли его, къ тому заманчивому, что повело его на преступленіе...

Терзаясь послѣ разговора со слѣдователемъ, Раскольниковъ говоритъ себѣ: «Я это долженъ былъ знать; и какъ смѣлъ я, зная себя, *предчувствуя* себя, брать топоръ и кровавиться. Я обязанъ былъ заранѣе знать... Э! Да, вѣдь, я же заранѣе и зналъ!»

И далѣе:

«Старушонка вздоръ! Старуха, пожалуй, что и ошибка, не въ ней и дѣло! Старуха была только болѣзнь... я переступить скорѣе хотѣлъ... я не человѣка убилъ, я принципъ убилъ. Принципъ-то я и убилъ, а переступить не переступилъ, на этой сторонѣ остался... Потому, потому я окончательная вошь, что самъ то я, можетъ быть, еще сквернѣе и гаже, чѣмъ убитая вошь и *заранѣе предчувствовалъ*, что скажу себѣ это *послѣ* того, какъ убью. Да развѣ съ этакимъ ужасомъ что можетъ сравниться... О, ни за что, ни за что не прощу старушонкѣ!»

И муки его такъ сильны, что онъ ненавидитъ все, что прежде любилъ и больше всѣхъ ненавидитъ самыхъ близкихъ людей, ради которыхъ отчасти пошелъ на преступленіе:

«Мать, сестра,—какъ я любилъ ихъ! Отчего теперь я ихъ ненавижу? Да, я ихъ ненавижу; физически ненавижу, подлѣ себя не могу выносить»...

Одинъ на свѣтѣ остался ему близкій человѣкъ—тоже преступникъ—Соня:

«Соня, Соня! Тихая Соня!»—взываетъ онъ, забываясь отъ нечеловѣческихъ страданій.

Эти страданія даютъ ему удивительную ясность пониманія, удивительную чуткость духовную. Онъ признаетъ *напрасность* преступленія, тщету его.

«Не за безчестье и грѣхъ, а за великое страданіе твое я защитилъ тебя, — говоритъ онъ Сонѣ.—А то, что ты великая грѣшница, то это такъ,—а пуще всего, тѣмъ ты грѣшница, что *понапрасну* умертвила и предала себя»...

Его духовная проницательность достигаетъ апогея въ разговорѣ съ Соней, когда, бросивъ мать и сестру, онъ явился къ ней ночью:

«Развѣ ты не тоже сдѣлала? Ты тоже переступила... смогла переступить Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... *свою* (это все равно). Ты могла-бы жить духомъ и разумомъ, а кончишь Сѣнной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься *одна*, сойдешь съ ума, какъ и я. Ты ужъ и теперь какъ помѣшанная;

стало-быть, намъ вмѣстѣ идти, по одной дорогѣ! Пойдемъ!»

На его признаніе Соня отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь на цѣломъ свѣтѣ!»

И, въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ злобы и горечи, сердце Раскольникова раскрылось отъ этихъ вѣщихъ словъ и слезы закипѣли въ глазахъ.

9.

Собственно, переломъ въ душѣ Раскольникова совершился на этомъ признаніи передъ Соней. Именно оно, а не признаніе оффиціальное (анекдотическій аксессуаръ) знаменуетъ собой уравненіе въ душѣ его силы положительной и отрицательной, демона гордости и ангела смиренія. Съ этого признанія, съ этого поворота скорбнаго пути, ангелъ смиренія началъ брать явный перевѣсъ; признаніе оффиціальное, покаяніе публичное, столь-же неизбѣжно было послѣ признанія съ глазу на глазъ передъ Соней, какъ неизбѣжно, что все огромное поле снѣгу стаетъ, когда начнетъ таять одинъ краешекъ его.

Покаяніе передъ Соней — кульминаціонный пунктъ всей драмы. Онъ такъ-же рѣшителенъ и важенъ, какъ пунктъ преступленія. Если преступленіемъ раскалывается вся Раскольниковская эпопея на двѣ части—до него и послѣ него,—то покаяніемъ передъ Соней вторая часть

этой драмы, въ свою очередь, раскалывается на двѣ половины. Вотъ почему въ этомъ пунктѣ такъ дивно сгущены краски, такъ повторена вся драма со всей ея логикой и психологіей. Вотъ почему эта часть романа и есть ключъ къ разгадкѣ его основной идеи. Вотъ почему, отсюда можно почерпнуть убѣжденіе въ жизненности и закономѣрности этой идеи.

Раскольниковъ говоритъ:

«Штука въ томъ: я задалъ себѣ одинъ разъ такой вопросъ: что если бы, напримѣръ, на моемъ мѣстѣ случился Наполеонъ, и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода черезъ Монъ-Бланъ, а была бы вмѣсто всѣхъ этихъ красивыхъ и монументальныхъ вещей, просто-за-просто, одна какая-нибудь смѣшная старушонка легистраторша, которую еще вдобавокъ надо убить, чтобы изъ сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, такъ рѣшился-ли бы онъ на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился-ли бы оттого, что это ужъ слишкомъ не монументально, и... и грѣшно? Ну, такъ я тебѣ говорю, что на этомъ «вопросѣ» я промучился ужасно долго, такъ что ужасно стыдно мнѣ стало, когда я наконецъ догадался (вдругъ какъ-то), что не только его не покоробило бы, но даже и въ голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понялъ бы онъ совсѣмъ: чего тутъ коробиться?

«И ужъ если бы только не было ему другой дороги, то задушилъ бы такъ, что и пикнуть бы

не далъ, безъ всякой задумчивости! Ну и я... вышелъ изъ задумчивости... задушилъ... по примѣру авторитета... И это точь въ точь такъ и было! Тебѣ смѣшно? Да, Соня, тутъ всего смѣшнѣе то, что, можетъ, именно такъ и было...

«Нѣтъ, Соня, это не то! А лучше... предположи (да, этакъ дѣйствительно лучше!), предположи, что я самолюбивъ, завистливъ, золъ, мерзокъ, мстителенъ, ну... и пожалуй еще наклоненъ къ сумасшествію. Ужъ пусть все за разъ! Про сумасшествіе-то говорили прежде, я замѣтилъ. Я вотъ тебѣ сказалъ давеча, что въ университетѣ себя содержать не могъ. А знаешь ли ты, что я, можетъ, и могъ? Мать прислала бы, чтобы внести, что надо, на сапоги, платье, а на хлѣбъ я бы и самъ заработалъ, навѣрно! Уроки выходили; по полтиннику предлагали. Работаетъ же Разумихинъ! Да я озлился и не захотѣлъ. Именно *озлился* (это слово хорошее!). Я тогда, какъ паукъ, къ себѣ въ уголъ забился. Ты вѣдь была въ моей канурѣ, видѣла...

«Нѣтъ, это не такъ! Я опять не такъ разсказываю! Видишь, я тогда все себя спрашивалъ: зачѣмъ я такъ глупъ; что если другіе глупы, и коли я знаю ужъ навѣрно, что они глупы, то самъ не хочу быть умнѣе? Потомъ я узналъ, Соня, что если ждать, пока всѣ станутъ умными, то слишкомъ ужъ долго будетъ... Потомъ я еще узналъ, что никогда этого и не будетъ, что не перемѣнятся люди и не передѣлать ихъ никому, и труда не стоитъ терять! Да, это такъ!.. Это ихъ законъ... законъ, Соня! Это такъ!.. И я теперь

знаю, Соня, что, кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ! Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть. тотъ и всѣхъ правѣе! Такъ доселѣ велось и такъ всегда будетъ! Только слѣпой не разглядитъ!...

«Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ-же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто за просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту! Я... я захотѣлъ *осмѣлиться*, и убилъ... я только осмѣлиться захотѣлъ, Соня, вотъ вся причина!...

«Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества. Вздоръ! Я просто убилъ; для себя убилъ, для себя одного; а тамъ сталъ-ли-бы я чьимъ нибудь благодѣтелемъ, или всю жизнь, какъ паукъ, ловилъ-бы всѣхъ въ паутину и изъ всѣхъ живые соки высасывалъ, мнѣ, въ ту минуту, все равно должно было быть!.. И не деньги, главно, нужны мнѣ были, какъ другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: можетъ быть тою-же дорогою идя, я уже никогда болѣе не повторилъ-бы убійства. Мнѣ другое надо было узнать, другое толкало меня подъ руки: мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣе узнать, вошь-ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу-ли я переступить, или не смогу? Осмѣлюсь-ли нагнуться или взять, или нѣтъ? Тварь-ли я дрожащая или *право* имѣю... Развѣ я старушонку

убилъ? Я себя убилъ, а не старушонку! Тутъ такъ-таки разомъ и ухлопалъ себя на вѣки!».

И, когда, послѣ этого покаянія, Соня указываетъ ему путь къ спасенію: «страданіе принять и искупить себя имъ»,—Раскольниковъ все еще борется. Бѣсъ гордости, непобѣжденный, а лишь замученный, судорожно оскаливаетъ зубы:

«Плуты и подлецы они, Соня!.. Не пойду. И что я скажу, что убилъ, а денегъ взять не посмѣлъ, подъ камень спряталъ? Такъ вѣдь они же надо мной сами смѣяться будутъ, скажутъ: дуракъ! Трусъ и дуракъ!»

Въ послѣднюю минуту борьбы, уже пойманный въ сѣти Порфирія, Раскольниковъ все еще борется. Но въ результатѣ этой борьбы не сомнѣвается ни онъ, ни Порфирій. Слѣдователь говоритъ ему:

— «Убѣжите и сами воротитесь. *Безъ насъ вамъ нельзя обойтись.* Нѣтъ, не убѣжите!»

И, наконецъ, въ послѣдней судорогѣ, съ послѣднимъ корешкомъ вырываемаго зуба преступленія, у него срывается послѣдній бѣшеный протестъ: «—Но вѣдь ты кровь пролилъ!—вскричала Дуня.

«—Которую всѣ проливаютъ,—подхватилъ онъ чуть не въ изступленіи,—которая льется и вездѣ лилась на свѣтѣ, какъ водопадъ, которую льютъ какъ шампанское и за которую вѣнчаютъ въ Капитоліи и называютъ потомъ благодѣтелемъ человѣчества... Я самъ хотѣлъ добра людямъ и сдѣлалъ бы сотни, тысячи добрыхъ дѣлъ, вмѣсто одной этой глупости, даже не глупости, а просто—наивности, такъ какъ вся эта мысль

была вовсе не такъ глупа, какъ теперь кажется при неудачѣ... Этою глупостью я хотѣлъ только поставить себя въ независимое положеніе, первый шагъ сдѣлать, достичь средствъ и тамъ все бы загладилось неизмѣримою, сравнительно, пользой... Если бы мнѣ удалось, то меня бы увѣнчали, а теперь въ капканъ»...

10.

Борьба кончается. Дерзкой рукой брошенный въ небо камень, описавъ высокую, правильную дугу, упалъ на землю. Какъ ни высоко онъ взлетѣлъ — онъ долженъ былъ упасть; и чѣмъ, выше, тѣмъ быстрѣе, грузнѣе упасть. Но ни одна точка въ дугѣ, которую описалъ камень, разставшись съ землей, не нарушаетъ логики природы и основныхъ ея законовъ. Въ каждой точкѣ слиты законы и инерціи, и сопротивленія, и притяженія, и равновѣсія. Взаимодѣйствіе этихъ законовъ на тѣло, оторванное отъ земли, создаетъ кривую, по которой оно подымается и падаетъ. Не такъ ли и въ мірѣ душевныхъ движеній?!

Приведя существеннѣйшія мѣста изъ романа Достоевскаго, я старался уловить кривую, по которой несется душа преступника. Можетъ быть я не уловилъ ее. Но и приведеннаго достаточно, чтобы судить о правильности, закономѣрности этой линіи. Останавливаясь подробнѣе на этомъ предметѣ, можно было бы доказать, что въ каждой данной точкѣ движенія души къ престу-

пленію и отъ преступленія на нее взаимодѣйствуютъ основные законы природы человѣка. Въ этомъ смыслѣ произведеніе Достоевскаго можетъ быть названо классическимъ, можетъ и должно служить масштабомъ для другихъ произведеній съ однородной идеей. Въ немъ поразительно ярко горитъ эта идея: преступленіе содержитъ въ себѣ искупленіе, какъ фактъ брошеннаго камня заключаетъ въ себѣ фактъ обратнаго паденія его на землю. Природа человѣческая, какъ и земля, обладаетъ законами притяженія: чѣмъ выше отъ нея отдѣлишься, тѣмъ глубже упадешь.

То обстоятельство, что Раскольниковъ и въ ссылкѣ не смирился, а негодовалъ и злился, по-моему служитъ лишнимъ доказательствомъ *жизненности* этой идеи. Раскольниковъ злился на пустоту въ себѣ,—ту страшную пустоту, которая выросла въ немъ, когда было вырвано наполнявшее всего его преступленіе и раскаяніе. Вотъ эту пустоту, эту свою *оторванность отъ жизни* онъ и клялъ, считая виновникомъ въ ней свое сознаніе. Ему хотѣлось мукъ и слезъ—«вѣдь это тоже жизнь!» Не разбираясь въ себѣ, а лишь страдая, онъ почиталъ себя нераскаяннымъ. Но именно потому, что онъ жаждалъ жить, плакать и мучиться, онъ уже покаялся, онъ уже искупилъ свою вину. Такъ, тяжко больной, перенесшій кризисъ, при выздоровленіи, чувствуетъ себя хуже, чѣмъ въ періодъ болѣзни. Стоило только жизни коснуться Раскольникова, стоило только ему почувствовать въ себѣ любовь къ Сонѣ, какъ онъ мгновенно выздоровѣлъ и пересталъ

негодовать и злиться. Живая дѣйствительность наполнила устрашавшую его пустоту діалектики. И только съ этой минуты началось воскресенье— тотъ процессъ, когда душа, опорожненная отъ преступленія и раскаянія, обростаетъ нѣжной травкой здоровой жизни.

«Вмѣсто діалектики наступила жизнь, и въ сознаніи должно было выработаться что-то совершенно другое».

11.

Не узнай Раскольниковъ, что старуха-ростовщица останется дома одна, онъ, вѣроятно, не пошелъ бы убивать ее. Не будь туманной ночи, когда ледъ на рѣкѣ грохоталъ, весна расцвѣтала, когда Катюша подняла крючокъ своей спальни... можетъ и Нехлюдовъ не убилъ бы души Катюши. Оба преступленія обрушились какъ бы невзначай. Но оба тщательно подготовлены и неизбѣжны.

Почва, на которой совершилось преступленіе Нехлюдова, также разлыхлена и перегнила, какъ и почва подъ Раскольниковымъ. Мы застаемъ Нехлюдова уже вросшимъ въ эту почву. Чтобы не было въ этомъ сомнѣнія, Толстой рѣзко и безповоротно набрасываетъ его характеристику.

«Тогда онъ былъ честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дѣло; теперь онъ былъ развращенный, утонченный эгоистъ, любящій только свое наслажденіе. Тогда міръ Божій представлялся ему тайной,

которую онъ радостно и восторженно старался разгадывать; теперь все въ этой жизни было просто и ясно и опредѣлялось тѣми условіями жизни, въ которыхъ онъ находился. Тогда нужно и важно было общеніе съ природой и съ прежде него жившими, мыслившими и чувствовавшими людьми (философія, поэзія); — теперь нужны и важны были человѣческія учрежденія и общеніе съ товарищами. Тогда женщина представлялась таинственнымъ и прелестнымъ, именно этой таинственностью прелестнымъ существомъ; теперь значеніе женщины, всякой женщины, кромѣ своихъ семейныхъ и женъ друзей, было очень опредѣленное: женщина была однимъ изъ лучшихъ орудій испытаннаго уже наслажденія. Тогда своимъ настоящимъ «я» онъ считалъ свое духовное существо; теперь онъ считалъ собою свое здоровое, бодрое, животное «я».

Оба героя поставлены въ тѣ условія, въ ту позу, какія предшествуютъ вообще преступленію, какія вызываютъ преступленіе. Они могли-бы помѣняться ролями: Раскольниковъ могъ-бы обезчестить дѣвушку, а Нехлюдовъ убить старуху (если-бы первый былъ богатъ, а второй бѣденъ).

Хотя преступленіе Нехлюдова было сплошь однимъ наслажденіемъ (а преступленіе Раскольникова сплошь одной горечью),—и Нехлюдовъ испыталъ муки борьбы. Было время, когда одна мысль физическаго обладанія Катюшей возбуждала въ немъ ужасъ. Время это прошло, смылось грязью жизни. Но и грязный, развращенный, онъ, на краю паденія, все еще борется.

«Въ Нехлюдовѣ, не переставая, въ продолженіи этихъ двухъ дней до Пасхи, шла внутренняя, несознаваемая имъ борьба».

Борьба эта усиливалась съ приближеніемъ минуты паденія: «Хоть слабо, но еще слышенъ былъ голосъ истинной любви къ ней, который говорилъ ему о *ней*, объ ея чувствахъ, объ ея жизни. Другой-же голосъ говорилъ: смотри, пропустишь *свое* наслажденіе,—*свое* счастье. И этотъ второй голосъ заглушилъ первый. Онъ рѣшительно подошелъ къ ней. И страшное, неудержимое животное чувство овладѣло имъ».

Вообще, та часть романа, гдѣ описано душевное состояніе Нехлюдова до преступленія и самое преступленіе,—жизненна и художественна. Тутъ разсыпано множество чертъ, неизгладимыхъ изъ памяти, и въ этихъ чертахъ ярко блеститъ сходство между двумя романами. Если у Толстого нѣтъ такой тонкости и подробности въ психологическомъ анализѣ пути къ преступленію, за то у него болѣе увѣренности въ томъ, что преступленіе неизбѣжно, неотвратимо. Достоевскій еще какъ-бы колеблется; у Достоевскаго отведено больше мѣста случайностямъ. У Толстого самыя эти случайности пріобрѣтаютъ въ общей картинѣ характеръ стремительнаго потока, пожирающаго все, что попадаетъ на его пути. Въ этомъ потокѣ сливаются и ночь на рѣкѣ, когда «въ туманѣ шла какая-то неустанная, медленная работа, и то сопѣло что-то, то трещало, то обсасывалось, то звенѣли какъ стекло тонкія льдинки»; и то обстоятельство, что старая экономка,

сторожившая его, *вдругъ* заснула; и то, что половицы «не скрипѣли»; и то, что Катюша отворила дверь; и то, что онъ могъ унести ее къ себѣ. Всѣ эти *случайныя* обстоятельства кажутся въ общей картинѣ преступленія неизбѣжными и тутъ мастерство великаго художника сказалось во всей своей мощи. Картина самаго преступленія—неизгладима. Отъ нее вѣетъ такой жизненностью, какъ отъ лучшихъ страницъ «Анны Карениной». Она врѣзывается въ памяти, какъ явленіе природы, какъ гроза, какъ могучій разливъ рѣки, — такъ умѣстно и такъ дивно описанный тамъ-же. Сопоставленіе грохочущаго льда на рѣкѣ, стоновъ ломающейся рѣки съ грохотомъ и стонами страсти, растопившей чистую любовь Катюши и Нехлюдова,—одна эта картина чего стоитъ! Въ ней все ясно и просто и... неизбѣжно. Такъ-же неизбѣжно, какъ и то, что, когда Раскольниковъ убивалъ старуху, — былъ жаркій, удушливый день, воздухъ былъ спертъ домами огромнаго города и насыщенъ міазмами. Опять аналогія, опять удивляющее сходство, опять закономѣрность! *Зимой*, въ ясный, морозный день, вѣроятно, ни Нехлюдовъ, ни Раскольниковъ не сдѣлали-бы своего мрачнаго дѣла. Нужна была раздражительная весенняя ночь съ грохотомъ льда на рѣкѣ—для одного, и душный іюльскій день съ вонью Сѣнной—для другого. Мелкія подробности, но сколько въ нихъ смысла!

Хотя Нехлюдовъ катился *внизъ* къ преступленію, по склону своихъ развращенныхъ инстинк-

товъ и окружающихъ его примѣровъ, по склону своего прошлаго и настоящаго, влекомый естественнымъ въ каждомъ человѣкѣ позывомъ къ наслажденію; а Раскольниковъ продирался къ преступленію по кручѣ, *вверхъ*, разрушая и заглушая въ себѣ врожденные инстинкты человѣчности, усыпляя совѣсть, страхъ, забывая прошлое и дразня себя картинами, отъ которыхъ его «тошнило»,—тѣмъ не менѣе эти оба шествія къ преступленію, какъ и оба преступленія совершились въ вполнѣ аналогичныхъ, жизненно и художественно описанныхъ подробностяхъ. Возьмемъ хотя-бы одну! Нехлюдовъ глядитъ черезъ окно на свою жертву. «Онъ стоялъ, глядя на задумчивое, мучимое внутренней болью лицо Катюши, и ему было жалко ее, но, странное дѣло,—эта жалость *только усиливала вожделѣніе къ ней*». Развѣ этотъ моментъ не тождественъ съ тѣмъ, когда Раскольниковъ, ударивъ первый разъ по темени старухи и увидавъ ея жалкое, ужасомъ искаженное лицо и поднятыя къ верху руки, сталъ бить ее съ остервенѣніемъ и ненавистью?! Вожделѣніе къ крови, какъ и вождѣленіе къ плотскому наслажденію усиливаются отъ чувства жалости. Отчего? Да оттого, что чувство жалости есть первый побѣгъ раскаянія и этотъ побѣгъ пробивается въ самый моментъ преступленія, *неразлученъ* съ нимъ. Чтобы преступленіе было окончено, нужно этотъ первый побѣгъ задушить въ себѣ. Нужно удвоить дозу жестокости. Вотъ почему и Нехлюдовъ и Раскольниковъ убиваютъ безъ жалости...

12.

Насколько сходны пути ихъ къ преступленію, настолько разны они отъ преступленія къ искупленію. Жизнь Нехлюдова не раздваивается на преступленіи. Обладаніе Катюшей не насытило его. Наоборотъ, испытанное наслажденіе понесло его къ другимъ наслажденіямъ. Вмѣсто того, чтобы смягчить, оно изсушило его сердце. Совершенное преступленіе толкнуло его не вверхъ, на путь раскаянія, а внизъ, на путь новыхъ преступленій. Сгубивъ Катюшу, онъ подумалъ: «Что это, большое счастье, или большое несчастье случилось со мной?» Но тотчасъ-же и успокоился: «Всѣ такъ, всегда такъ!» На другой день и въ день отъѣзда въ немъ опять шевельнулось угрызеніе; но сторублевая бумажка вырвала и этотъ слабый ростокъ. *Нехлюдовъ не испыталъ ни отвращенія къ содѣянному, ни раскаянія.* Это надо запомнить!

Прошло 12 лѣтъ — цѣлая жизнь. Эта жизнь не Нехлюдовская только — то жизнь всѣхъ насъ, многомилліоннаго общества людей образованныхъ, обезпеченныхъ, мыслящихъ, издающихъ законы, преслѣдующихъ и карающихъ. Въ романѣ Толстого проходитъ передъ нами вереницы этихъ людей. Ихъ можно было-бы подобрать еще больше, безконечно много, если отъ Нехлюдова спуститься къ Акиму изъ «Власти тьмы». Нехлюдовъ съ его родными и знакомыми наверху, Акимъ съ Ма-

ланьей и Матреной — внизу, вотъ два полюса, между которыми Толстой усмотрѣлъ однѣ и тѣ же мрачныя тѣни. Но драма Акима понятнѣе драмы Нехлюдова: Акимъ скатился къ убійству, а Нехлюдовъ скатился къ такой случайности, какъ встрѣча съ Катюшей въ судѣ. Чтобы вызвать раскаяніе и воскресеніе Акима, понадобилась кровь. Чтобы вызвать раскаяніе и воскресеніе Нехлюдова, довольно оказалось ошибочнаго приговора присяжныхъ, мимолетнаго настроенія. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, передъ Нехлюдовымъ поворачивается обратная сторона медали жизни. И онъ читаетъ тамъ ему одному понятные знаки. То, чего Раскольниковъ добился въ самыя послѣднія минуты своей борьбы, что мерещится лишь въ апоѳеозѣ романа Достоевскаго, то уже пріобрѣтено Нехлюдовымъ въ самомъ началѣ его прискорбнаго шествія! И оттого шествіе это кажется ненужнымъ, безцѣльнымъ, вымученнымъ.

«Но вотъ, теперь, эта удивительная случайность напомнила ему все и требовала отъ него признанія своей безсердечности, жестокости, подлости, давшихъ ему возможность спокойно жить эти десять лѣтъ съ такимъ грѣхомъ на душѣ»...

Только «удивительная случайность» напомнила Нехлюдову о его «грѣхѣ», и только она вызвала его раскаяніе. Эта «случайность» (анекдотъ) въ романѣ Толстого замѣняетъ логику жизни, которой повинуется Достоевскій. Связывая между собой преступленіе и искупленіе, эта случайность пріобрѣтаетъ чрезмѣрное значеніе, во всякомъ

случаѣ не соотвѣтствующее ея характеру. А преступленіе, такъ далеко отодвинутое отъ раскаянія, теряетъ самыя права свои на раскаяніе, теряетъ тѣ свойства, которыя мы наблюдаемъ въ драмахъ Раскольникова и Акима. Читая «Преступленіе и наказаніе» и «Власть тьмы», мы ни минуту не сомнѣваемся, куда поведетъ авторъ своихъ героевъ—мы подготовлены къ искупленію. Читая «Воскресеніе», мы вовсе не подготовлены къ поступкамъ Нехлюдова, насъ они удивляютъ и даже пугаютъ: Нехлюдовъ идетъ все время далеко впереди насъ шагами гиганта. Поспѣть за нимъ нѣтъ возможности. Такъ-же, какъ въ его преступленіи мы не находимъ характерныхъ признаковъ преступленія (отвращенія), также и въ его внезапномъ раскаяніи не видимъ спутниковъ раскаянія: борьбы, постепенности, жгучести. Безъ ломки надъ собой, безъ мукъ, а лишь съ «пріятнымъ чувствомъ» сознанія своего долга, сознанія добротности того, что онъ дѣлаетъ, Нехлюдовъ шествуетъ (какъ взрослый, какъ зрячій) къ свѣту воскресенія. А мы, какъ дѣти, какъ слѣпые — остаемся во тьмѣ, позади и догнать намъ его никакъ нельзя. Не въ этомъ-ли причина, почему онъ намъ не симпатиченъ?

«Разорву эту ложь,—говоритъ себѣ Нехлюдовъ вечеромъ, послѣ суда, — чего-бы это ни стоило и признаю правду, все и всѣмъ скажу правду и сдѣлаю правду»...

И послѣ такого рѣшенія—«Богъ, жившій въ немъ, проснулся въ его сознаніи... Онъ почувствовалъ не только свободу, бодрость и радость

жизни, но почувствовалъ все могущество добра. Все, самое лучшее, что только могъ сдѣлать человѣкъ онъ чувствовалъ теперь способнымъ сдѣлать»...

«Какъ хорошо, какъ хорошо, Боже мой, какъ хорошо!»—говорилъ онъ про то, что было въ его душѣ.

Такая рѣшительность покаянія, такой успѣхъ его и такое блаженство въ преступникѣ, шествующемъ къ Голгоѳѣ—коробятъ.

Быстроскатившись къ преступленію, Нехлюдовъ еще быстрѣе вздернулъ себя къ раскаянію. И въ томъ и въ другомъ онъ находитъ удовольствіе, наслажденіе; и въ томъ и въ другомъ онъ занятъ лишь собой, думаетъ лишь о себѣ. Онъ не только не борется съ нахлынувшимъ чувствомъ, но съ восторгомъ отдается ему, всплываетъ на самый гребень волны раскаянія, какъ прежде всплывалъ на гребень волны преступленія. Въ какихъ нибудь два дня онъ задумалъ и исполнилъ свой грѣхъ надъ Катюшей; двухъ дней достаточно ему, чтобы рѣшиться на искупленіе. И даже грубыя, правдивыя слова Катюши, что «насладившись ею, онъ хочетъ ею же спастись», не отрезвляютъ его отъ этого скороспѣлаго раскаянія, какъ въ пямятную ночь грѣха, ея скорбное, мукой исполненное личико не отрезвили его вожделѣнія...

Въ этомъ удивительномъ по смѣлости и замыслу романѣ наблюдается постоянная борьба художника съ моралистомъ. Когда моралистъ ради своихъ плановъ преступаетъ грани жиз-

ненной правды, пробуждается художникъ и тащитъ моралиста назадъ. Эта борьба между Толстымъ художникомъ и моралистомъ опутываетъ весь романъ сѣтью, сквозь которую трудно разобраться; приходится ловить отдѣльные эпизоды и моменты.

Вотъ напримѣръ, что думалъ Нехлюдовъ, выходя изъ острога отъ Катюши: «Онъ только теперь вполнѣ понялъ свою вину. Если бы онъ не попытался загладить, искупить свой поступокъ, онъ *никогда бы не почувствовалъ всей преступности его*... Онъ увидалъ *только теперь*, что онъ сдѣлалъ съ душей этой женщины и она увидала и поняла, что сдѣлано съ нею. Прежде Нехлюдовъ игралъ своимъ чувствомъ любованія самого на себя, на свое раскаяніе; теперь ему просто было страшно»...

Это заговорилъ художникъ. Нехлюдовъ никогда не догадался бы о преступности своихъ отношеній къ Катюшѣ, если бы имъ не овладѣло желаніе покаяться. Другими словами, покаяніе Нехлюдова вытекло не изъ преступленія его, не изъ сердца, а изъ разсудка. Онъ принудилъ себя къ покаянію, не сознавъ своего преступленія. Сознаніе преступленія получилось изъ сознанія раскаянія, что уже прямо противурѣчитъ жизненной правдѣ. Толстой—художникъ однимъ взмахомъ кисти замазываетъ фальшивый образъ, созданный Толстымъ—моралистомъ.

Не сознаніе преступленія, не тяжесть его, не муки его, не то равновѣсіе, которое всюду разлито въ природѣ и которое обратной волной вы-

брасываетъ на берегъ оторванныя отъ него преступленіемъ души,—толкнуло Нехлюдова по пути къ искупленію, а сладость, и самодовольство уничиженія. Лишь по мѣрѣ движенія по этому пути онъ сознаетъ тяжесть своего преступленія. Тѣнь отъ этого преступленія бѣжитъ впереди него, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нимъ по пятамъ и гнать его. Онъ самъ гонится за этой тѣнью, самъ старается слиться съ ней, проникнуться, пропитаться сознаніемъ своего преступленія, чтобы оправдать и дать смыслъ своему раскаянію. Онъ самъ пытается быть выброшеннымъ на берегъ волной искупленія. Но волна бѣжитъ впереди его, быстрѣе его и онъ, встрѣчая обратное ея теченіе, борется съ нимъ, барахтается и остается на мягкомъ илу между преступленіемъ и наказаніемъ, не проникнувшись сердцемъ первымъ и не отвѣдавъ душею второго... Нехлюдовъ признаетъ себя грѣшнымъ передъ слишкомъ многими, чтобы искренно признать свой грѣхъ передъ Катюшей. Нехлюдовъ кается въ слишкомъ многомъ, чтобы покаятся искренно въ преступленіи надъ Катюшей. Нехлюдовъ полюбилъ разомъ и возненавидѣлъ разомъ слишкомъ много и многихъ, чтобы полюбить правду и возненавидѣлъ ложь одной Катюши. Qui trop embrasse...

13.

Вотъ три отличительныя черты Нехлюдовской эпопеи:

1) слишкомъ отодвинутое отъ преступленія раскаяніе;

2) стремительность и даже случайность этого раскаянія, и

3) чрезмѣрная смѣлость, увѣренность шествія Нехлюдова отъ тьмы къ свѣту и опрокидываніе безъ боли для себя всѣхъ формъ прежней жизни (а эти формы составляютъ и нашу жизнь).

Эти три черты дѣлаютъ основную идею романа трудно усваиваемой. Рождаются вопросы, на которые въ романѣ отвѣта нѣтъ. Выростаетъ даже смутный протестъ и недружелюбіе къ симпатичнымъ чертамъ героя. А, главное, шевелится въ глубинѣ души вопросъ—дѣйствительно ли Нехлюдовъ совершилъ преступленіе, достойное возмездія и требующее обновленія, воскресенія?..

Этотъ вопросъ наиболѣе щекотливый. Прослѣдивъ теоретически за схемами романовъ Достоевскаго и Толстого, мы должны сознатся, что линіи этихъ романовъ бѣгутъ врозь. Въ основѣ ихъ лежитъ таже идея: неизбѣжность преступленія при извѣстной обстановкѣ и на извѣстной почвѣ (перегнившей изъ эгоизма, гордости, софизмовъ и дурныхъ примѣровъ) и неизбѣжность раскаянія, органически связаннаго съ преступленіемъ. И Толстой и Достоевскій убѣждены, что нельзя преступить извѣстной грани свободной человѣческой воли безнаказанно. Оба они взяли темой убійство, какъ наиболѣе характерное проявленіе сорвавшейся съ оси своего сознанія воли. И оба убійства—духовныя, потому что и Раскольниковъ вѣдь убилъ себя, свою душу. Отчего же ихъ

пути отъ преступленія къ искупленію такъ разны? Отчего душевное состояніе Нехлюдова послѣ преступленія такъ мало имѣетъ общаго съ состояніемъ Раскольникова? Отчего Раскольниковъ, упорствуя воскреснуть передъ блестящей діалектикой, подъ суровой тяжестью земной кары и даже передъ бальзамомъ Евангельскаго ученія, воскресъ въ самомъ крошечномъ и сѣромъ фактѣ жизни (любовь Сони)? А Нехлюдовъ, оттолкнувъ отъ себя (любовь Катюши), воскресъ надъ діалектикой, надъ пониманіемъ?

Отвѣчая на эти вопросы теоретически, пришлось бы сказать, что одно изъ этихъ двухъ воскресеній—не искренно, не подлинно, не закономѣрно. Двухъ воскресеній, какъ и двухъ истинъ, быть не можетъ. Или Нехлюдовъ, или Раскольниковъ воскресъ во истину. Или тотъ или другой воскресъ не во истину. Который-же?

Теоретически надо признать подлинность воскресенія Раскольникова. Въ его преступленіи и покаяніи мы усматриваемъ всѣ элементы, свойственные природѣ того и другого: въ преступленіи заложено сѣмя раскаянія (отвращеніе къ цѣли его), а въ раскаяніи—борьба, постепенность и, главнымъ образомъ, *несознаваемость*, непроизвольность его. Въ преступленіи Нехлюдова мы не усматраиваемъ никакого залога раскаянія; а, когда раскаяніе внезапно проснулось, то оно принесло съ собой не муки и борьбу, а сладость, самодовольство и стремленіе на встрѣчу ему. Главнымъ-же образомъ раскаяніе Нехлюдова не можетъ быть признано жизненнымъ по-

тому, что оно было отъ начала и до конца — *сознательное*, произвольное, что онъ имъ руководилъ, а не оно имъ, что оно составило *цѣль* его жизни, а не средство.

Если воскресеніе Нехлюдова не жизненно, то не потому-ли, что преступленіе его не есть подлинное преступленіе? Нехлюдовъ фальшиво воскресъ, Нехлюдовъ каялся умомъ, а не сердцемъ, не потому-ли, что ему не отъ чего было воскресать и что онъ каялся не въ извѣстномъ фактѣ жизни, а въ цѣлой жизни? Въ его прошломъ не было поступка, который-бы нарвалъ, какъ огневикъ, нарушилъ логику природы и гармонію ея. Онъ не внесъ диссонанса въ общій аккордъ мірозданія — онъ лишь не прибавилъ къ этому аккорду своей нотки, какъ то требовалъ долгъ христіанскій и нравственный. Онъ не преступилъ грани — онъ лишь приблизился къ ней вплотную. Онъ не хотѣлъ, не замышлялъ убійства своего ближняго—онъ поступилъ эгоистично и легкомысленно, но *не сорвался съ оси*, которую Богъ вложилъ въ волю и сознаніе каждаго смертнаго. Онъ еще по *сю* сторону—а Раскольниковъ шагнулъ по *ту*. Его поступокъ — грѣхъ. Это говоритъ неоднократно и самъ Толстой. А отъ грѣха нельзя воскреснуть, ибо воскресаютъ лишь отъ смерти. Отъ грѣха можно очиститься, исправиться. Грѣхъ не есть смерть, ибо и святые были грѣшны. Только преступленіе въ его первоисточникѣ, только дерзкое посягательство на логику природы, влечетъ за собой духовную смерть. И потому, только

оно можетъ дать поводъ воскреснуть. Такое преступленіе совершилъ Фаустъ надъ Маргаритой, потому что онъ шелъ на это дѣло сознательно, заключивъ союзъ съ дьяволомъ; потому что онъ дерзко захотѣлъ вторично пережить то, что дается всѣмъ только разъ—молодость, страсть, ошибки. Но ни Донъ-Жуанъ, ни Нехлюдовъ не совершили такого преступленія, потому что они были лишь слѣпые, покорные рабы природы. Нехлюдовъ не ѣхалъ къ теткамъ съ тѣмъ, чтобы сгубить Катюшу. Онъ не видѣлъ Катюши, бѣгущей за поѣздомъ; а если-бы видѣлъ, навѣрно вернулся-бы къ ней и что-либо предпринялъ. Онъ былъ молодъ, увлеченъ службой. Всѣ дѣлали, какъ онъ. Нужна была сила воли и разума, чтобы *не сдѣлать* этого. А въ преступленіи Раскольникова, наоборотъ, нужна была сила воли и разума, чтобы сдѣлать его.

Не въ этомъ ли вся разница грѣха отъ преступленія? Грѣхъ, отъ мельчайшаго до смертельнаго, не вызываетъ напряженія воли, а, наоборотъ, является слѣдствіемъ разнузданной воли. Грѣхъ есть слабость, паденіе. Тогда какъ преступленіе всегда требуетъ усилія воли, напряженія, и потому оно сопровождается временнымъ проявленіемъ огромной силы, энергіи, иногда блестящихъ дарованій и талантовъ. Какова воля, какова сила души должна была быть у Фауста, чтобы продать за мигъ вѣчность! И какова слабость сковывала душу Донъ-Жуана, не умѣвшаго найти ни въ одной изъ 1003 женщинъ, отдавшихся ему, счастья! Какова сила должна

была руководить Наполеономъ въ его великихъ и опустошительныхъ войскахъ? И какова слабость сопутствовала въ экстазахъ Нерону!

Сдается, что великій писатель земли руской, благородно взволнованный великимъ грѣхомъ человѣчества, ошибочно привѣсилъ надъ нимъ огненную надпись: преступленіе! Даже русская совѣсть, особенно чуткая, не нашла въ поступкѣ Нехлюдова преступленія, а лишь—великій грѣхъ. И ждала она отъ Нехлюдова не воскресенія, а сердечнаго сознанія его и, по мѣрѣ силъ, заглаженія. Нехлюдовъ же сознался его умственно, риторически и не только не загладилъ его, не сдѣлалъ Катюшу счастливой, но, изъ одной бѣды ввергъ ее въ другую.

Если я не ошибаюсь, отсюда и вытекаетъ разладъ между русской совѣстью и романомъ гр. Толстого.

Конецъ.

С.-Петербургъ.
20 Декабря 1900 г.

